

УБИЙСТВО НЕПОДКУПНОГО ИНСПЕКТОРА. ПРАВСТВЕННОЕ СОЗНАНИЕ И ПРАВОПРИМЕНИТЕЛЬНАЯ ПРАКТИКА В ЦИНСКОМ КИТАЕ

А. А. Саракаева

Хайнаньский университет

Поступила в редакцию 17 июня 2022 г.

Аннотация: статья написана в жанре казусной истории. На материале подробно задокументированного уголовного дела 1809 г. автор рассматривает такие вопросы, как коррупция в рядах китайского чиновничества; эффективность круговой поруки для профилактики преступности; способы совершения и расследования уголовных преступлений и уровень осведомленности населения об этих способах; принципы наложения наказаний; тема преступления и наказания в массовом сознании китайцев конца XVII – начала XIX в. Отдельного внимания заслуживает такое примечательное явление, как беллетризация реального происшествия в отчетах свидетелей, внесение в него популярных морально-дидактических и религиозно-мистических мотивов, широко известных по фольклору и художественной литературе того времени.

Ключевые слова: позднеимперский Китай, династия Цин, казусная история, преступление и наказание.

THE MURDER OF AN INCORRUPTIBLE INSPECTOR. ON MORAL CONSCIOUSNESS AND LEGAL PRACTICE IN THE QING CHINA

A. A. Sarakaeva

Hainan University

Abstract: the article is a case history study. Basing on a well-documented criminal case of 1809, the author explores such issues as corruption in the ranks of Chinese officials; effectiveness of severe punishments for crime prevention; the methods criminal offences were committed and investigated in the Qing empire, and the level of public awareness of these methods; principles of sentencing; and the issue of crime and punishment in the mass consciousness of the Chinese in the late XVII and early XIX centuries. Special attention is paid to a remarkable phenomenon of fictionalizing of a real incident in witness reports, i.e. the introduction of popular moral, didactic and religious motifs widely known in the folklore and literature of that time.

© Саракаева А. А., 2022

Key words: *Late Imperial China, Qing dynasty, case history, crime and punishment.*

В современном китайском кинематографе, в его популярном жанре костюмного детектива, одним из наиболее часто описываемых преступлений является убийство честного чиновника его коллегами или начальниками-коррупционерами. Фактически, всякий раз, когда жертвой загадочного убийства становится чиновник, зритель уже примерно понимает, кто тут убийца, и лишь ждет, каким же образом его разоблачат. Однако в реальной судебной практике позднеимперского времени такие дела крайне малочисленны. Дело 1809 г. – один из редчайших примеров, в нем даже инспекторы, командированные для проведения следствия, и столичная судебная палата до конца не могли поверить, что заговор на убийство действительно организован начальником уезда. Но нетипичность самого преступления не означает, что это изолированный случай, ничего не говорящий об обществе и государстве империи Цин; напротив, в нем, как в капле воды, отражены многочисленные тенденции и особенности нравственного, правового и даже религиозного сознания китайского народа.

В 1808 г. уроженец Шаньдуна Ли Ючан выдержал государственные экзамены на высшую ученую степень, цзиньши, и получил свое первое назначение: в это время в южной провинции Цзянсу произошло наводнение, и нужны были инспекторы для контроля за расходованием государственных фондов на помощь пострадавшим. Но, прибыв в Цзянсу, в уезд Шаньян, Ли Ючан весьма скоро погиб таинственным образом – его слуги утром обнаружили его тело висящим на балке, а местный коронер, вызванный на осмотр, назвал причиной смерти самоубийство. Начальник уезда, Ван Шэньхань, забрал все бумаги покойного, но, по его утверждению, не нашел в них ничего, указывающего на причину такого отчаянного поступка. Поэтому тело инспектора в закрытом гробу было передано его дяде, Ли Тайцину, и увезено на родину.

В семейном доме дядя и вдова покойного стали разбирать его вещи и с удивлением обнаружили, что на форменной одежде Ли Ючана, которая лежала в отдельном сундуке, есть небольшие пятна крови с внутренней стороны рукавов, на манжетах. Они сделали логическое умозаключение, что такие пятна могут появиться только в одном случае – если у человека шла горлом кровь, и он вытирал ее рукавами, чего, разумеется, самоубийца в петле делать никак не мог. Тогда они вскрыли гроб, сами осмотрели тело своего мужа и племянника и убедились, что на его лице есть пятна от лаймового сока, который использовался, чтобы посмертно отбелить кровоподтеки на трупе; к телу приклеена желтая бумажная лента с даосским заклинанием, а в одежду покойника спрятано маленькое зеркальце, т. е. кем-то приняты меры предосторожности против ме-

сти разгневанного мертвеца. Кроме того, когда они поместили серебряную иглу в рот и пищевод покойника, то серебро почернело и не отмывалось, – а это в старом Китае считалось верным признаком отравления мышьяком. Тогда Ли Тайцин отправился в Пекин и принес властям формальную жалобу и просьбу расследовать смерть племянника.

Довольно скоро это дело дошло даже до самого императора Цзяцина и стало предметом едва ли не ежедневной корреспонденции между ним и его министрами в августе и сентябре 1809 г. Началось курируемое из столицы следствие.

Первые важные показания дали слуги покойного Ли Ючана, сопровождавшие его в роковой инспекционной поездке. Они рассказали, что в последний вечер своей жизни их господин был приглашен на ужин к уездному начальнику Вану, и они заметили, что Ван вел какие-то загадочные разговоры с одним из своих подчиненных чиновников. Что до Ли Ючана, то он, согласно показаниям слуг, был необычно рассеян и даже стал заговариваться, спросив слугу, принес ли он свое одеяло в уездное управление, что, по всей видимости, должно было навести следователя на мысль о начинавшемся душевном расстройстве у жертвы. Когда же Ли Ючан вернулся в тот монастырь, в котором квартировал во время инспекции, то напился чаю, отпустил людей и стал работать над документами. Утром же его якобы нашли уже повешенным. Еще одной важной деталью, сообщенной слугами, стало известие о весьма формальном осмотре тела уездным коронером, который приехал в монастырь вместе с начальником Ваном и правителем области, бегло посмотрел на труп и даже не стал его раздевать, удовлетворившись тем, что спустил чулок с одной ноги. С ними же приехал и «специалист по инь и ян», который приклеил к телу заклинание на желтой бумаге и положил в гроб зеркальце, и слуги не посмели спрашивать о причинах и необходимости этих действий.

Коронер признал свою небрежность, но сослался на приказ начальника уезда Вана, который заявил ему, что «не нужно идти дальше»¹. Сам Ван Шэньхань, пожилой чиновник почти восьмидесяти лет, выдержал несколько допросов, но потом, под пыткой, которая состояла в выкручивании ушей и стоянии коленями на цепях, рассказал, что он придумал и успешно осуществлял схему по присвоению государственных средств, выделяемых на помощь жертвам наводнения: он завышал количество пострадавших, чтобы разницу положить себе в карман. Приехавшему с инспекцией Ли Ючану он предложил поучаствовать в этой схеме, но тот с негодованием отказался. Более того, подкупив одного из слуг Ли Ючана, Ван узнал, что молодой инспектор уже пишет донесение о его преступной деятельности. И тогда он запаниковал и решил, что единственный его выход – убить Ли.

¹ См.: *Hegel R. E. True Crimes in Eighteenth-century China. Twenty Case Histories.* Seattle & London, 2009. P. 231.

Слуги Ли Ючана под пытками подтвердили эту версию событий. Тот же подкупленный слуга, Ли Сян, подсыпал своему хозяину мышьяк в чай. Однако спустя несколько часов, когда от уездного начальника пришел его доверенный человек Бао Сян справиться, удалось ли задуманное, то выяснилось, что Ли Ючану очень плохо, но он жив, и неизвестно, умрет ли вообще. Тогда Бао Сян посулил Ли Сяну и его товарищам по сотне ляннов серебра, если они немедленно убьют инспектора. Поразительна реакция одного из слуг, Ма Ляньшэня. Узнав, что Ли Сян, оказывается, уже отравил господина, он восклицает: «Зачем ты решил погубить нашего хозяина? Я пойду и позову кого-нибудь на помощь!» Но они возражают ему: «Если ты позовешь на помощь, то тебя припугают к этому делу. А если не позовешь – значит, ты, и в самом деле, в нем участвуешь!»² И этого оказалось достаточно, чтобы Ма Ляньшэнь оставил все возражения и последовал за подельщиками в спальню Ли Ючана, где четверо слуг схватили и повесили несчастного инспектора. Кстати, согласно их утверждению, деньги за убийство им так и не были выплачены. Вместо того уездный начальник Ван подарил огромные суммы своему начальнику – правителю области, а также коронеру и некоторым своим подчиненным. Причем он настаивал на том, что не делился с ними планами по убийству инспектора, а подарки делал просто на всякий случай, чтобы они были более расположены доверять ему и не вмешиваться в его дела.

Император был в ярости и потребовал жесточайшего из возможных по закону наказаний для преступников. 21 августа 1809 г. были вынесены приговоры, согласно которым слуга уездного начальника Бао Сян должен быть немедленно обезглавлен; слуги инспектора Ли, отнявшие жизнь у собственного господина, должны быть препровождены в Шаньдун на его могилу, где подвергнуты мучительной казни, а их головы должны быть принесены в жертву духу убитого. В тот же день было вынесено административное постановление, снимавшее с должностей за небрежение служебными обязанностями непосредственного начальника Ван Шэньхэня и генерал-губернатора провинции Лянцзян, который проводил расследование первым и не выяснил всю истину сразу. Более того, этот неудачливый следователь отправился в ссылку в Урумчи, на крайний запад империи, как и старший сын Ван Шэньхэня, – в соответствии с законом, распространявшим наказание за особо тяжкие преступления на ближайших родственников преступника. А вот дальнейшего расследования коррупции при распределении государственной помощи не проводилось, к тому же суд полностью поверил в непричастность других чиновников провинции Цзянсу и уезда Шаньян к убийству инспектора Ли. Парадоксально при этом, что сам организатор убийства получил, на наш взгляд, непропорционально легкое наказание: формально он был приго-

² См.: Hegel R. E. Op. cit. P. 234.

ворен к отрублению головы с отсрочкой исполнения приговора до осени, но поскольку он был уже очень стар, традиция предписывала смягчить его наказание на одну степень. Так что на практике Вана приговорили к ста ударам тяжелой палкой и ссылке на три тысячи ли от дома, что в его случае, как ни странно, привело преступника почти в столицу – в город Шуньтянь под Пекином.

Убитого инспектора император почтил лично сочиненным стихотворением «Горюю о преданном»³.

Данное уголовное дело интересно для исследователя в нескольких аспектах. Во-первых, это коррупция в цинском чиновничестве и отношение центрального правительства к коррупционерам на местах. Цинские законы о коррупции были чрезвычайно строги, они рассматривали как взятку любое получение чиновником выгоды, будь то подарок к празднику или прямая оплата заранее оговоренных услуг. Отдельной статьёй закона оговаривалась так называемая «торговля влиянием», под которым имелось в виду одаривание частным лицом или нижестоящим чиновником вышестоящего, не сопровождающееся какими-либо просьбами или условиями и совершаемое ради установления хороших отношений, которые можно было бы использовать в будущем. Такое деяние тоже трактовалось как взятка и влекло за собой уголовное наказание как для взяткодателя, так и для администратора, принявшего подобный дар⁴. Многочисленные денежные подарки Ван Шэньхэя своему областному правителю, коллегам и коронеру вполне можно было бы рассматривать как «торговлю влиянием» и соответственно карать. Почему же это не было сделано, даже несмотря на явный гнев главы государства и его желание сурово разделаться со всеми виновниками происшествия?

Дело в том, что реальная правоприменительная практика в цинском Китае иногда разительно отличалась от писаного закона. В частности, правительство предпочитало, по большей части, игнорировать коррупцию в рядах чиновничества. Как показывает Нэнси Парк в своей работе «Коррупция в Китае восемнадцатого века», фактически все громкие коррупционные дела этого времени были политически мотивированы: обвинения во взяточничестве, вымогательстве, незаконных поборках и расточительстве выдвигались только и исключительно против тех членов правящей элиты, которые оказались не по ту сторону политических баррикад, тогда как всем другим аналогичные поступки в вину не ставились⁵.

Одной из причин такого расхождения между кодифицированным законом и его практическим применением можно считать китайскую

³ См.: *Hegel R. E.* Op. cit. P. 226–241.

⁴ См.: *Park N. E.* Corruption in Eighteenth-century China // *The Journal of Asian Studies.* 1997. 56, № 4. P. 970–972.

⁵ См.: *Ibid.* P. 997–998.

культуру в целом, придающую и всегда в истории придававшую огромное значение дарообмену, – в ней и до сих пор почти невозможно выразить уважение и доброжелательность к другому человеку или установить близкие отношения без регулярного обмена подарками к каждому празднику или значимому событию в жизни одариваемого. Другой, не менее значимой, причиной толерантного отношения цинского правительства к сановным взяточникам была собственная экономическая выгода правительства. Оно попросту не платило своим чиновникам достаточного жалования и не выделяло достаточного финансирования для исполнения их рутинных служебных обязанностей, и потому у местных администраций не оставалось иного выхода, кроме как облагать население и подчиненных частыми дополнительными поборами – если не в собственную пользу, то хотя бы на проведение необходимых работ. И даже сами императоры Великой Цин не брезговали пополнять свою казну подобным образом. Так, например, император Цяньлун специальным эдиктом запретил чиновникам объезжать подведомственные территории для сбора подношений с местного населения и в то же время совершил – и вероятно, с этими же целями – 72 путешествия по империи, из которых 6 самых длительных были по богатейшему в Китае региону Цзяннани. По свидетельству современников, эти путешествия буквально разорили Цзяннань, но сам император числил их, наряду с завоеванием Синьцзяна, главными достижениями своего царствования⁶. Именно такая политическая культура препятствовала правительству карать взяточников по всей строгости закона, ведь тем самым это парализовало бы работу административного аппарата в масштабах всей страны.

Другим обращаящим на себя особое внимание аспектом вышеизложенной истории является статусный, обусловленный конфуцианской идеологией принцип наложения наказаний. Согласно конфуцианскому учению, все отношения между людьми описываются в терминах статусных пар: подданный и государь, отец и сын, старший и младший братья, муж и жена. Эти пары организованы по иерархическому принципу, равенство в них исключено, и именно само неравенство прав и обязанностей рассматривается как залог социальной стабильности. И хотя на декларативном уровне признается, что основная ответственность в паре лежит на вышестоящем ее члене, на практике такое неравенство всегда возлагает повышенные обязанности на нижестоящего – это он (или она) должен подчиняться, служить, жертвовать и получать суровые наказания за неисполнение своего долга. Во всех китайских кодексах с древнейших времен убийство нижестоящим членом статусной пары вышестоящего трактовалось как самое тяжкое из всех возможных престу-

⁶ См.: *Elliot M. Emperor Qianlong. Son of Heaven, Man of the World. N.Y., 2009. P. 69.*

плений⁷. Поэтому из четырех непосредственных исполнителей убийства инспектора Ли лишь один – Бао Сян – подвергся сравнительно легкой казни через отрубление головы, ведь он был слугой другого человека, он не поднимал руки на собственного хозяина. Три остальных исполнителя рассматривались как особо опасные преступники и получили максимальное наказание – пытку и казнь. На этом фоне тем более выделяется та снисходительность, с которой закон отнесся к организатору и заказчику убийства – уездному начальнику Ван Шэньханю, который остался в живых и получил возможность доживать свой век в относительно комфортных условиях под столицей. Можно предположить, что, с точки зрения цинских судей и одобrivшего приговор императора, чиновник, организовавший убийство другого чиновника, был уродливой аберрацией, исключением из обычного порядка вещей, он был, скорее, примером морального падения, чем реальной социальной опасностью. Тогда как слуги, убившие своего господина, были общественной угрозой, вызовом всем устоям государства, социума и космоса.

Однако в данном случае мы видим, что суровость закона к злоумышлениям низшего против высшего отнюдь не гарантировала законопослушности, круговая порука не служила эффективной профилактикой преступлений. Не может не впечатлять та легкость, с которой слуга Ма Ляньшэнь согласился участвовать в убийстве своего хозяина. Он пошел убивать человека, который не сделал ему ничего плохого и за чье убийство, в случае разоблачения, он должен был подвергнуться мучительной казни просто для того, чтобы избежать допросов в управе и подозрений в соучастии. И все-таки мы настаиваем, что это фатальное решение не было результатом одной лишь глупости слуги Ма, это было осознанной и, в общем, рациональной стратегией поведения для человека, попавшего в такое положение.

Как мы уже доказывали в одной из своих предшествующих работ, ведущей реакцией простых китайцев на любую проблему, требующую привлечения государства в дела частных лиц, был страх в диапазоне от спокойного избегания до ужаса⁸. И это объяснимо: ведь согласно закону и сложившейся судебной практике свидетелей и истцов могли подвергнуть судебной пытке для верификации их показаний; вся система ведения допроса была основана на психологическом давлении и запугивании, когда судья обязан был демонстрировать недоверие к любым показаниям и требовать от всех участников процесса немедленно прекратить

⁷ См.: Zhang T. Kinship Hierarchies and Property Institutions in Late Qing and Republican China // Chinese Law. Knowledge, Practice, and Transformation / L. Chen & M. Zelin. N.Y., 2011. P. 47.

⁸ См.: Саракаева А. А. Рука закона и тело семейного коллектива. Семья, страх и суд в цинском Китае // Corpus Mundi. 2021. № 2. С. 114.

лгать и сознаться во всем; а главное – все ключевые фигуры процесса на период между слушаниями помещались в тюрьму, чтобы обеспечить их явку на следующее заседание, и могли, таким образом, провести в тюрьме несколько месяцев, оставив свои семьи без пропитания. Так что, подсыпав яд в чай инспектора Ли, его слуга Ли Сян поставил двух других своих товарищей перед чрезвычайно тяжелым выбором: либо *post factum* одобрить его действия и принять участие в убийстве, либо побежать за помощью, а впоследствии оказаться свидетелями, а то и обвиняемыми на суде, где сам Ли Сян и его сообщник Бао Сян, несомненно, заявляли бы о причастности жалобщика к заговору, а судьей, по всей вероятности, выступал бы лично Ван Шэньхань, т. е. заказчик преступления. Другими словами, этот выбор можно было бы описать так: либо гарантированные пытки и гибель в неочевидном случае разоблачения, либо гарантированное судебное разбирательство с пытками и возможной гибелью. Так что выбор Ма Ляньшэня в пользу убийства хозяина был по-своему вполне логичен, так как давал ему хоть какой-то шанс не пострадать вообще.

Довольно интересной деталью этого дела нам представляется также небрежность и некоторая наивность убийц в сокрытии своего преступления, и напротив – осведомленность родственников жертвы о способах совершения преступлений. Готовя убийство в спешке и панике, Ван Шэньхань, возможно, и не имел времени выяснить, в какие сроки действует на человека мышьяк и в каком количестве его нужно дать, чтобы жертва быстро умерла. Но после смерти Ли Ючана все действия Вана выглядят подозрительными, начиная от откровенного захвата бумаг покойника до магических ритуалов, призванных умиротворить обиженный дух убитого и предотвратить его месть. При этом он все же отдал родне Ли Ючана не только гроб с его телом (и с пятнами лайма на лице), но даже и запачканную кровью одежду. При ознакомлении с этими деталями трудно не согласиться с цинскими следователями, считавшими, что чиновник в роли убийцы – это какая-то редкость и диковина. Достаточно очевидно, что Ван Шэньхань, сам по долгу службы расследовавший и судивший уголовные преступления, тем не менее, не знал, как скрыть свое собственное злодеяние, или же был абсолютно уверен, что его высокое положение само по себе послужит ему достаточной защитой от любых подозрений.

А вот семья Ли, наоборот, знала не только признаки отравления мышьяком – их в Китае знали многие, так как мышьяк был единственным, зато широкодоступным отравляющим веществом, – но и способы, какими можно скрыть наличие синяков и ссадин на трупе. Также они смогли правильно интерпретировать характер и локализацию кровавых следов на одежде своего родственника. При этом Ли Тайцин был военным, его карьера никакого отношения не имела к уголовному следствию, а его не-

вестка и вовсе была домашней затворницей, как и положено было женщине из высшего класса в традиционном Китае. Поэтому мы, с известной долей допущения, могли бы предположить, что такие знания могли быть получены ими только из литературы.

И это подводит нас к последнему, но немаловажному выводу из рассматриваемого сюжета – а именно, к наблюдению о высокой роли литературы в подлинной жизни китайской интеллигенции и о беллетризации реальных происшествий в судебных отчетах и воспоминаниях участников.

На этот феномен уже обращали внимание такие исследователи китайской литературы и ее влияния на деловую документацию, как Роберт Хегел, под чьей редакцией вышел целый сборник научных работ «Литература и закон в позднеимперском Китае». Он отмечает: «Авторы юридических текстов проявляли креативный талант в составлении отчетов, адресованных вышестоящим инстанциям. Это не значит, что чиновники цинского Китая и их юридические консультанты сознательно искажали свой материал. Однако... они должны были редактировать важную информацию... что подразумевало творческое переписывание устных показаний»⁹. Дэниэл Юд в той же коллективной монографии исследует взаимное влияние художественной литературы и описаний подлинных судебных дел, в частности упоминает таких знаменитых писателей цинского времени, как Ли Юй (1610–1680) и Ли Люйюань (1707–1790), которые, помимо художественной прозы, составляли также судебные сборники или лично служили уездными чиновниками¹⁰. И все же эти ученые, в основном, сопоставляют стилистику юридических и художественных текстов, тогда как наш случай дает основание говорить о еще более глубоком проникновении литературы в область практической юриспруденции – о влиянии на уровне сюжетов и интерпретации реальности.

Во-первых, следует заметить упоминание о потемневшем серебре как индикаторе отравления мышьяком. На самом деле серебро не изменяет цвет при прикосновении к пищеводу жертвы отравления, так что крайне маловероятно, чтобы Ли Тайцин и его невестка могли наблюдать такой феномен. Также они вряд ли намеревались сознательно обмануть власти, к которым обращались с прошением, ведь целью их жалобы как раз и было возобновление следствия, т. е., в первую очередь, повторный осмотр трупа, при котором любая ложь была бы разоблачена. Тем не менее они с уверенностью утверждают, что серебро потемнело и не отмывалось. Эти

⁹ См.: *Hegel R. E. The Art of Persuasion in Literature and Law // Writing and Law in Late Imperial China. Crime, Conflict, and Judgment / R. E. Hegel & K. Carlitz. Seattle & London, 2007. P. 85.*

¹⁰ См.: *Youd D. M. Beyond Bao. Moral Ambiguity and the Law in Late Imperial Chinese Narrative Literature // Writing and Law in Late Imperial China. Crime, Conflict, and Judgment. P. 216.*

люди, знавшие из многочисленных литературных описаний, как должны выглядеть признаки отравления, просто смоделировали и осмыслили реальность в соответствии с литературным канонem.

Но еще более красочную сюжетную линию представляют собой дважды запрототолированные сведения о видениях Цзин Чунфа. Первый раз о них кратко повествует генерал-губернатор Те (тот человек, которого позже сошлют в Урумчи за неудачу в расследовании). В его отчете на высочайшее имя упомянуто, что 7 марта 1809 г. Цзин Чунфа, старый друг и однокашник инспектора Ли Ючана, вдруг стал вести себя странно, упал на землю и заявил: «Я Ли Ючан, я вернулся из Шаньяна, где погиб жестокой смертью!», – а потом принялся горько рыдать, пока не перестал дышать¹¹. К сожалению, неизвестно, откуда к генерал-губернатору поступила эта информация.

Второй раз об удивительном происшествии с Цзин Чунфа мы узнаем из показаний дяди убитого, Ли Тайцина, когда он явился в Пекин со своей жалобой. Он утверждал, что Цзин Чунфа ехал на осле по своему родному городу, когда навстречу ему попала процессия, несшая какого-то чиновника в портшезе. Цзин по обычаю спешился и приветствовал чиновника поклоном. Когда же тот вышел из портшеза, чтобы ответить на приветствие, Цзин с удивлением узнал в нем своего друга Ли Ючана, не так давно отбывшего по месту службы в Цзянсу. Ли пояснил, что направляется в родной уезд Цися, чтобы занять там место бога города. Из этого Цзин Чунфа понял, что разговаривает с покойником, пришел в ужас и побегал домой. Рассказав жене про свою страшную встречу, он пожаловался на острую головную боль и попросил чаю, но, когда она поднесла ему чашку, не смог пить: «Глядя на этот чай, я вспоминаю о том, как выпил того отравленного чаю и умер в муках!» Жене его голос показался незнакомым, и она спросила, кто он такой, на что он заявил: «Я Ли Ючан. Я направлялся по месту службы в уезд Цися, когда столкнулся со своим однокашником Цзин Чунфа, тогда я пригласил его с собой, чтобы он помогал мне в управлении». И с этими словами Цзин скончался. Так, согласно показаниям Ли Тайцина, рассказывала жена Цзин Чунфа¹².

Перед нами – популярный в китайской новеллистике сюжет: душа неправедно убиенного вселяется в другого человека, чаще всего в убийцу, чтобы покарать его, или же в любого постороннего, чтобы его устами пожаловаться на перенесенную обиду и добиться наказания обидчика по закону. Мы не станем подробно перечислять все варианты этого сюжета в произведениях китайских авторов, упомянем лишь несколько. Так, в повести минского писателя Фэн Мэнлуна (1574–1646) «Трижды ожив-

¹¹ См.: *Hegel R. E. True Crimes in Eighteenth-century China. Twenty Case Histories. P. 227.*

¹² См.: *Ibid. P. 237.*

ший Сунь» душа писаря, убитого своей женой, вселяется в служанку, чтобы попросить о помощи знаменитого судью Бао¹³. В сборнике цинского автора Цзи Юнь «Записки из хижины Великое в малом» это удивительное явление описывается и обсуждается на теоретическом уровне, здесь дух покойника «ищет себе замену», т. е. вселяется в тела других людей и подталкивает их к самоубийству, или же, будучи убитым, человек превращается в злого духа и бесчинствует до тех пор, пока его убийцу не разоблачают и не казнят, и тогда лишь успокаивается¹⁴. В романе Ши Юй-куня «Трое храбрых, пятеро справедливых» дух убитой женщины вселяется в мужчину, а дух убитого мужчины – в женщину, в надежде, что странное поведение одержимых привлечет внимание мудрого судьи, который и отомстит за их безвременную смерть¹⁵. Аналогично ведет себя и дух инспектора Ли Ючана в этом рапорте: он вселяется в тело старого друга, вероятно, получив такую возможность, поскольку друг уже был тайно болен, его жизненная энергия истощилась, и он был особенно близок к миру мертвых. Устами Цзин Чунфу он сообщает живым людям важную информацию: во-первых, про место и обстоятельства своей гибели, а во-вторых, о том, что посмертно он назначен богом города, и, следовательно, ему надо приносить жертвы и обращаться к нему с молитвами. Но после обнаружения истины и наказания виновных Ли Ючан более уже не вселяется в чужие тела и не взаимодействует с оставшимися в живых друзьями и родней, потому что несправедливость по отношению к нему уже исправлена.

Важно, что не только дядя убитого, но и даже генерал-губернатор провинции считают странное происшествие с Цзин Чунфу достаточно достоверным, а главное – достаточно характерным признаком совершенного втайне преступления и включают его в свои рапорты. Предполагая, что никто в данном случае откровенно не лжет, мы можем лишь догадываться, каким образом скорпостижная смерть одного друга оказалась совмещена в сознании окружающих с загадочной гибелью другого, как рассказ жены Цзина о последних минутах его жизни приобрел в изложении Ли Тайцина привычные черты уже знакомого всем по беллетристике сюжета о возвращении убитого с того света для обличения убийцы. Но, как бы конкретно это ни происходило, какие бы психологические механизмы ни были задействованы, под чьим пером ни переосмысливалась бы реальность, значимо то, что результатом стала беллетризация подлинного происшествия. И более того – сама литературная формула, очевидно, вошла в жизнь и сознание людей настолько прочно, что стала фактически незаметной для них са-

¹³ См.: Фэн Мэнлун. Трижды оживший Сунь // Проделки Праздного Дракона : двадцать пять повестей XVI–XVII вв. М., 1989. С. 61–80.

¹⁴ См.: Цзи Юнь. Записки из хижины «Великое в малом». М., 1974. С. 342, 361.

¹⁵ См.: Ши Юй-кунь. Трое храбрых, пятеро справедливых. М., 1974. С. 15.

мих, ведь ни авторы, ни адресаты данных судебных рапортов не выражают ни малейшего сомнения в том, что столь литературные отчеты могут быть правдивы, а не порождены излишней начитанностью или воображением.

Итак, на материале всего одного судебного дела мы проследили, как в сознании китайцев начала XIX в. преломлялись социальные и межличностные конфликты, кого мораль и закон считали виновниками преступления, как мыслилось справедливое наказание за вину и заслуженное смертное воздаяние за добродетель.

Библиографический список

Саракаева А. А. Рука закона и тело семейного коллектива. Семья, страх и суд в цинском Китае / А. А. Саракаева // *Corpus Mundi*. – 2021. – № 2. – С. 84–119.

Фэн Мэнлун. Трижды оживший Сунь / Фэн Мэнлун // *Проделки Праздного Дракона* : двадцать пять повестей XVI–XVII вв. – М. : Художественная литература, 1989. – С. 61–80.

Цзи Юнь. Записки из хижины «Великое в малом» / Цзи Юнь. – М. : Наука, 1974. – 594 с.

Ши Юй-кунь. Трое храбрых, пятеро справедливых / Ши Юй-кунь. – М. : Художественная литература, 1974. – 141 с.

Elliot M. Emperor Qianlong. Son of Heaven, Man of the World / M. Elliot. – N.Y. : Longman, 2009. – 192 p.

Hegel R. E. The Art of Persuasion in Literature and Law / R. E. Hegel // *Writing and Law in Late Imperial China. Crime, Conflict, and Judgment* / R. E. Hegel & K. Carlitz. – Seattle & London : University of Washington Press, 2007. – Pp. 81–106.

Hegel R. E. True Crimes in Eighteenth-century China. Twenty Case Histories / R. E. Hegel. – Seattle & London : University of Washington Press, 2009.

Park N. E. Corruption in Eighteenth-century China / N. E. Park // *The Journal of Asian Studies*. – 1997. – 56, № 4. – Pp. 967–1005.

Youd D. M. Beyond Bao. Moral Ambiguity and the Law in Late Imperial Chinese Narrative Literature / D. M. Youd // *Writing and Law in Late Imperial China. Crime, Conflict, and Judgment* / R. E. Hegel & K. Carlitz. – Seattle & London : University of Washington Press, 2007. – Pp. 215–233.

Zhang T. Kinship Hierarchies and Property Institutions in Late Qing and Republican China / T. Zhang // *Chen L. & Zelin M. Chinese Law. Knowledge, Practice, and Transformation* / L. Chen & M. Zelin. – N.Y. : Brill, 2011. – Pp. 47–83.

References

Sarakaeva A. A. The Hand and the Body of Family Collective. The family, Fear and Trial in Qing China / A. A. Sarakaeva // *Corpus Mundi*. – 2021. – № 2. – Pp. 84–119. (In Rus)

Feng Menglong. Thrice revived Sun / Feng Menglong // *The Tricks of the Idle Dragon. Twenty-five Narratives from the 16th and 17th Centuries*. – Moscow : Hudozhestvennaya literatura, 1989. – Pp. 61–80. (In Rus)

Ji Yun. Tales of the Thatched Cottage / Ji Yun. – Moscow : Nauka, 1974. – 594 p. (In Rus)

Shi Yu-Kun. Three Heroes and five gallants / Shi Yu-Kun. – Moscow : Hudozhestvennaya literatura, 1974. – 141 p. (In Rus)

Elliot M. Emperor Qianlong. Son of Heaven, Man of the World / M. Elliot. – N.Y. : Longman, 2009. – 192 p.

Hegel R. E. The Art of Persuasion in Literature and Law / R. E. Hegel // Writing and Law in Late Imperial China. Crime, Conflict, and Judgment / R. E. Hegel & K. Carlitz. – Seattle & London : University of Washington Press, 2007. – Pp. 81–106.

Hegel R. E. True Crimes in Eighteenth-century China. Twenty Case Histories / R. E. Hegel. – Seattle & London : University of Washington Press, 2009.

Park N. E. Corruption in Eighteenth-century China / N. E. Park // The Journal of Asian Studies. – 1997. – 56, № 4. – Pp. 967–1005.

Youd D. M. Beyond Bao. Moral Ambiguity and the Law in Late Imperial Chinese Narrative Literature / D. M. Youd // Writing and Law in Late Imperial China. Crime, Conflict, and Judgment / R. E. Hegel & K. Carlitz. – Seattle & London : University of Washington Press, 2007. – Pp. 215–233.

Zhang T. Kinship Hierarchies and Property Institutions in Late Qing and Republican China / T. Zhang // *Chen L. & Zelin M.* Chinese Law. Knowledge, Practice, and Transformation / L. Chen & M. Zelin. – N.Y. : Brill, 2011. – Pp. 47–83.

Для цитирования:

Саракаева А. А. Убийство неподкупного инспектора. Нравственное сознание и правоприменительная практика в цинском Китае // Журнал юридической антропологии и конфликтологии. 2022. № 1. С. 46–58.

Recommended citation:

Sarakaeva A. A. The murder of an incorruptible inspector. On moral consciousness and legal practice in the Qing China // Journal of Legal Anthropology and Conflictology. 2022. № 1. Pp. 46–58.

Сведения об авторе

Саракаева Ася Алиевна – доцент кафедры русского языка института иностранных языков Хайнаньского университета (Китайская Народная Республика, г. Хайкоу), кандидат исторических наук

E-mail: 1977487837@qq.com

Information about author

Sarakaeva Asya Aliyevna – Associate Professor of the Department of Russian Language of the School of Foreign Languages of Hainan University (People's Republic of China, Haikou), Candidate of History Studies

E-mail: 1977487837@qq.com